

ЧАСТЬ I

ЗАПАХ СЧАСТЬЯ

БА И ДЕ

В начале ноября ударили морозы, пришлось доставать шубу и зимние сапожки. Снег лег крепко и уверенно и успел плотно притоптаться к земле многими ногами. Александра шла с некоторой опаской, но все равно пару раз поскользнулась. Выручила коляска, за ручку которой она держалась.

Малыши на улице успокоились, что радовало. В последнее время они капризничали — зубки резались резво, один за другим. Сегодня дневной сон совсем не задался, и Александра решила выйти на вечернюю прогулку раньше обычного.

На улице все детей отвлекало: в их недавно начавшейся жизни каждый предмет был полон смысла и подлежал изучению. Так заполняют чистый лист первые буквы, еще не выстраиваясь в слово: де... пти...

Светло-серые, резко очерченные тучи толпились в небе, и Александра рассеянно посматривала на них, пытаясь угадать, принесут ли они потепление.

Скверик, в котором она прогуливалась малышей, являл собой маленькое, но очень своеобразное пространство в большом городе по имени Москва. В городе, где все торопились, где толкались, чертыхались, брали приступом автобусы, троллейбусы

и метро. Но здесь, в сквере, в небольшом прямоугольнике, стиснутом с четырех сторон суетными улицами, — здесь жизнь протекала по иным законам. Она была неспешной; она сопротивлялась быстрым и резким движениям — она была праздногоулочной. Эту жизнь населяли собачники, мамы с колясками и прочие личности, имевшие прихоть и возможность гулять. Гулять — а не бежать по делам!

Из-за низких туч неожиданно выглянул острый, как стилет, солнечный луч, уколоч глаза. И тут же кто-то громко чихнул позади нее.

Александра обеспокоенно обернулась: не хватало только, чтобы малышей заразили!

— Это от солнца, — улыбнулся ей молодой человек, шедший за ней. — У меня такая реакция на солнечный свет. Я не заразный, не бойтесь. Пенс, фу! — вдруг закричал он. — Фу, к ноге!

Ирландский сеттер, вынюхивавший что-то на газоне невдалеке, поскребывая лапой снег, поднял голову, посмотрел на них задумчиво и вдруг рванул в их сторону галопом, в котором чувствовалась щенячья жизнерадостность. Его солнечно-рыжая шерсть потекла по ветру.

— И за что же вы его Пенсом обозвали? Он вполне на фунт стерлингов потянет! — усмехнулась Александра.

— А чтоб не задавался, — ответил ей парень. — К ноге, Пенс!

Пробегая мимо коляски, пес лизнул детскую щеку и тут же скакнул к хозяину, ткнувшись медной башкой ему в колени.

Дети показывали ручками, облаченными в варежки, на собаку. «Ба-а», — произнесла Лиза, а Кирюша неуклюже повторил за сестрой: «Па-а!»

Кирюшка был старшим — родился на семна-

дцать минут раньше. Крупнее сестры, флегматичный, добродушный увалень, он смотрел на мир философски. Лизавета была беспокойнее, подвижнее и реактивней. Всякое, даже пустячное, событие находило в ней немедленный отклик.

Пес рвался к детям. Молодой человек вопросительно посмотрел на Александру.

— Он не может укусить? — спросила она.

— Ни за что!

— Ну, пусть тогда пообщаются... Только вы его придерживайте! — решила Александра.

Юноша приотпустил поводок, и пес прыгнул к детям. Он привстал, пытаясь упереться лапами в спинку коляски, но из этой затеи ничего не вышло: конструктор двойной прогулочной коляски отнюдь не имел в виду подобное ее использование. Тогда пес сел и положил лапы детям на колени.

— Ты только не балуй, Пылесос! Поаккуратней, слышишь?

— Пылесос?

— Это его кличка. Пенс — имя, а Пылесос — кличка.

— Хм, — озадачилась Александра. Как известно, у собак имен нет, все клички. И она не знала, парнишка сказал так по неосведомленности — или оригинальничал? Но ей, любительнице всяких оригинальных выражений, понравилось. — И отчего же?

— Он обожает, когда я его пылесосу... Или пылесосу? Как правильно?

— Пылесосу... Это считается просторечным выражением, но допустимым.

— Так вот, он всегда специально ложится поперек коврика, чтобы я его пропылесосил.

Александра посмотрела на юношу внимательно-

нее. Он со всей очевидностью любил свою собаку, а ей нравились люди, которые любят зверей и детей.

...Когда псина решила умыть детские мордахи огромным своим языком — отчего малыши пришли в полный восторг, жмурясь и хохоча, — Александра запротестовала. Конечно, очень важно, чтобы дети не боялись животных, однако столь тесная дружба несколько превышала ее гигиенические принципы.

Молодой человек приструнил Пенса, и остаток прогулки тот шел, смиренно труся возле ног хозяина. Мало-помалу выяснилось, что юношу зовут Степан.

— Чудное имя! — сказала Александра. — Отдающее историей и подвигами! А чем вы занимаетесь, Степан? Учитесь? Работаете?

— Учусь, — ответил он. — В Историко-архивном институте.

— Это здорово, — серьезно ответила она. — Нам сейчас, на мой взгляд, очень нужны специалисты не просто по истории, которую так легко перевернуть под надобности политики, но люди, способные подтвердить любые суждения о ней архивами, фактами!

— Вот я тоже так решил. История — не точная наука, не математика, но все же она должна придерживаться правды...

Он попал в точку. Александра увлеклась, — они еще с час, не меньше, проговорили об истории и о политических искажениях оной.

Прощаясь, Александра думала о том, что парнишка совсем юн — лет девятнадцать-двадцать, не больше, — но весьма неглуп и что беседа с ним была приятной.

ЛЮБОПЫТСТВО КАК ПРОФЗАБОЛЕВАНИЕ

В наследство от своей таксистской жизни Николай Петрович получил раздавленные ноги и привычное любопытство к людям. Не то чтоб он любил совать нос в чужие дела, но профессия приучила. Иной клиент сам заговаривал, другой, казалось, только и ждал, чтоб его спросили. Николай Петрович и привык спрашивать. И слушать привык — да не ответы, а целые исповеди! Редко кто молчал в его такси, но в этих редких случаях он и не приставал. Не тянет клиента на откровенность, и не надо. Николай Петрович столько историй наслушался за свою жизнь, что хоть садись романы пиши. Им бы, писателям, в такси сначала поработать, а потом уж за книжки браться! А то пишут хрень всякую, жизни не знают!

Николай Петрович за долгие тридцать лет за баранкой стал ощущать себя едва ли не духовником. И теперь, после той автокатастрофы, когда пьяный козел вылетел со своим джипом на встречную полосу и вмял железо в ноги Коляна — отчего пришлось пересесть ему в инвалидное кресло, — ему не только баранки доставало, но и этих разговоров. Томила его тишина. А без ног-то не очень пойдешь в народ погуляешь...

Жена его давно уже померла, а доча за турка замуж вышла, да и уехала в Турцию. Деньги присылает — а то как бы он жил на пенсию? — и фотки иногда. Детей они там со своим турком четверых наплодили, все мальчишки, — вроде внуки ему, но, глядя на смуглые лица, не чувствовал Николай Петрович в них никакой родственности. Может, если бы росли на его глазах, он бы и привязался. А так...

Васятка только выручал. Давний сосед, друг и

собутыльник, и тоже шофер, такое вот совпадение. Познакомились они, правда, чисто по причине соседства, а не профессии. Васян до сих пор баранку крутит, хотя даже постарше Коляна, уже под шестьдесят пять ему. Но Васян огурцом — высокий, жилистый, крепкий. Вот что значит ноги иметь! Не то что Колян — раздобрел он в своем кресле, щеки наел, живот на коленках лежит... А ведь тоже росту не маленького был... Эхма!

С другой стороны, что ему, инвалиду, осталось из радостей жизни? Только поесть вкусно да выпить! И если есть, кто в него камень захочет кинуть, так Колян пригласит этого кидателя камней на свое место: в инвалидную коляску. Нехай посидит, прочувствует!

По вечерам сосед регулярно к Коляну навещается — они выпивают вдвоем по чарочке-другой-третьей. У Васяна полон дом: жена, дочка взрослая — мать-одиночка она — и внучка, ей уже шестнадцать... Вот и смывается он от бабья своего к Коляну. И душевно сживают они вечерами, запивая беленькой философские о жизни рассуждения да огурчиком их горечь заедавая.

И однажды, за чарочкой, Васян ему и посоветовал: сдай, мол, комнату!

Хороший совет, дельный. Ему лично, Коляну, и одной комнатенки за глаза хватает, а деньги лишними не бывают, зато и будет с кем поговорить!

Вот так и вышло, что Колян сдал комнату в своей двухкомнатной квартире. Сдал парнишке, молодому, но денежному. Он у какого-то богатея охранником служил и зашибал очень прилично. Отчего легко согласился на четыреста долларов за комнатенку. И возраст его располагал: совсем юнец. Ударяя по рукам с новым жильцом, мыслил себя Колян будущим наставником его жизни...

Только вышел облом. Деньги парнишка платил исправно, но оказался скрытен. Вроде и разговорчив, да странно как-то. Слова говорит, а будто ничего и не сказал. Что-то о погоде, что-то о ценах, что-то про пенсионную реформу, но о себе ни-ни. И выпить всегда отказывается.

Правда, добрый малый и не жадный: старое инвалидное кресло-коляску Николаю Петровичу не только отремонтировал, но и усовершенствовал, электрическим приводом снабдил, так что теперь Колян мог дать отдых натруженным рукам и больше не крутить колеса: моторчик сам их вел, только сиди да управляй! Почти такси, едрить твою...

Почти, да не почти! Моторчик дело делал исправно, а вот душевно пообщаться Коляну со своим «клиентом» не получалось. Отделывался парнишка вежливыми фразами да в свою комнату поскорее нырял. Обидно это было Николаю Петровичу. Мог бы и уважить мальчонка старого таксиста: уж ему, чай, есть чем поделиться с подрастающим поколением!..

Может, потому, что подрастающее поколение в лице квартиранта упорно игнорировало житейский опыт и накопленную с ним мудрость инвалида, он, пребывая в дефиците общения, стал все больше интересоваться жизнью своего комнатосъемщика. «Надо ж знать, кого к себе в салон посадил!» — оправдывался перед собой Николай Петрович, въезжая однажды в комнату своего жильца, в отсутствие последнего, разумеется.

И не зря он полюбопытствовал. Кое-что удивило его — да так удивило, что позвал он Васяна на совместную экскурсию в комнату жильца.

— Гляди, — говорил он приятелю, открывая

створки шкафа, — мальчишка живет, как на перевале! Вот пакет с трусами, вот пакет с носками, одна рубашка и одна майка. И вот сюда глянь, — переехал Колян на сторону платяного отделения, — один костюм висит. Это нормально, по-твоему?

— А чего такого? — не врубался Васян.

— Так он уже две недели тут живет! За это время можно вещи разложить, по-твоему? Или у него их нету, мужских вещей?

— Ты почему так решил?

— А вот посмотри! Скажи мне, что это такое?

— Журналы, — пожал плечами Васян.

— Да ты глянь, какие журналы! Для женщин!

— Ну, и чего?

— А то! Ты вот журналы для баб читаешь?

— Нет. Хотя заглядывал пару раз, у моих полно этого добра.

— А пошел бы сам покупать?

— Ни боже мой!

— А он купил. Сам!

— Может, дал ему кто?

— Не, ну ты скажешь! Тебе б дали — ты бы взял?

— Не взял.

— То-то.

Некоторое время друзья молчали, размышляя. Первым прорезался Колян.

— Васян, он голубой, что ли? — делился подозрением со старым другом Колян. — Журналы для баб — это как понимать, а?

— А черт его знает... — чесал лысину Васек. — А в бабскую одежду он не переодевается?

— Не видал. А зачем ему в бабскую?

— Ну, там у них есть такие сдвиги по фазе: в баб одеваются. Как-то видел я по телику.

— Хм. А если не одевается, значит, не голубой?

— Да кто их разберет... Не знаю я. А девки у него нет?

— Нету вроде.

— Сюда не водит?

— Не водит, это точно, а то б я просек.

— Наверное, голубой тогда.

— От на свою голову пустил к себе... Не люблю я этих!

— Да ладно те... Он к тебе не пристаёт?

— Нет. Хотя вот с креслом помог, ты же знаешь.

— Ну, это не доказывает ничего.

— Не доказывает, — согласился Колян. — А все же ты мне скажи: вроде добрый такой, да? А слова из него не вытащишь!

— Слушай, а на кой хрен тебе это нужно, разбираться? Тебе не по фигу? Голубой, розовый, серо-буро-малиновый... Пошли лучше выпьем!

ДАМА С СОБАЧКАМИ

Как-то Роман увидел в киоске журнал, где на обложке было крупно «Секрет женского обаяния». Он купил: хотел узнать этот секрет.

Секрета он так и не узнал: там какая-то бурда была написана. Про духи, да украшения, да маникюр... Да они все, женщины эти, с духами, и с украшениями, и с маникюром! И ни одной это обаяния не прибавило!

У него было много богатых клиенток, которые могли себе позволить все то, о чем в статье писалось. И пахли они, как журнал проповедовал, и цацки положенные носили, а толку никакого. Некоторые даже были совсем неприятные. Только и думаешь: скорей бы уже свалила! Зато иные как на-

магнитные, так и хотелось забраться к ним в машину, чтоб увезли с собой...

Так что фигия в статье была. Но он другое понял: женщинам это важно. Какие на них цапки, какой маникюр. И стал время от времени делать клиенткам комплименты.

С тех пор его чаевые удвоились. Тогда Роман решил почаще покупать такие журналы и почитать. Вычитал еще про обувь, взял на вооружение. И когда появилась Дама с Собачками, он ей первым делом сказал: «Какие у вас красивые босоножки». Она хмыкнула: «А ножки, что ли, нет?»

— И ножки, — он смутился.

Красотка потрепала его ручкой по щеке и сказала, что он милашка. Потом прищурилась, окинула его взглядом с головы до ног и произнесла:

— Жалко, маленький еще. Сколько тебе, восемнадцать?

— Девятнадцать.

— Сосунок, — заключила она. — Малолетних не развращаю.

Он еще больше покраснел, а она залилась смехом.

— Неужто девственник, такой красавчик? Ну, годика через два я тебя ее лишу, если раньше никто не возьмется за это неблагодарное дело... А пока машину мою посмотри! Она почему-то подседа набок. Только имей в виду, оставлять я ее не буду. Или сразу чинишь, или я уезжаю.

Машина подседа набок по очень простой причине: одно колесо немного спустило. Он объяснил это хозяйке.

— Так ты сразу починишь?

Роман не мог сдержать улыбки: такое не называлось словом «починить». В лучшем случае колесо нужно подкачать, в худшем — поменять.

— Минут пятнадцать, — ответил он.

— Прекрасно!

Женщина открыла заднюю дверцу, немного пошебуршилась в машине и выпустила оттуда четырех собак разных размеров. Они вели себя на удивление дисциплинированно, только шкурами потрясли. Роман не смог бы назвать породы этих псин, но у него создалось ощущение, что хозяйка их подбирала по цвету, соблюдая гамму осеннего листопада — от золотистого нюанса меда до глубокой меди. Это тональное братство было предназначено, без сомнения, служить обрамлением для их хозяйки, чей наряд сочетал охру и терракоту.

Крепенько ухватив маленькой изящной ручкой все четыре поводка, красотка направилась за ограду выгуливать свою собачью бригаду, а он еще некоторое время смотрел ей вслед, испытывая смутное волнение. Ее костюмчик — короткая юбка и нечто на бретельках, пикантно приоткрывавшее снизу загорелый живот и сверху грудь, — вызвал в нем тоску и желание.

Желание женщины?

Или другой жизни?

Роман не знал ответа на этот вопрос. Да он, собственно, его никогда и не пытался сформулировать. Просто чувствовал, что Дама с Собачками его волновала. Вот и все.

Ее темно- и томно-красный «Мерседес-350» с глубинно-золотой искрой оказался машиной удивительной — или хозяйка у него оказалась удивительная? — но неисправности в нем возникали регулярно. Мелкие, но зато чуть ли не каждую неделю. То стекло заедало, то ручка не открывалась, то зеркало трескалось, то легкая вмятина, то царапи-

на. И обращалась она с тех пор только к Роману. Помогло ли ему чтение журналов, трудно сказать, но вскоре они с Дамой с Собачками подружились.

Впрочем, слово «подружились» тут вряд ли подходит — скорее Лана (звали ее Светланой, но она предпочитала именно так, Лана) взяла над ним игривое шефство. Ей нравилось Романа смущать, она мгновенно учуяла, что волнует его как женщина, и с садистским наслаждением вгоняла юнца в краску при каждом удобном случае, но в то же время она искренне давала ему советы — то как с другими клиентками держаться, то насчет одежды... Она часто расспрашивала его о жизни, а особенно ее интересовали его отношения с девушками. Роман был вынужден признаться, что отношений у него никаких нет... и до сих пор не было...

— Так ты и впрямь девственник? — изумилась Лана. — Я тогда пошутила, не думала, что в наши времена такое бывает! — На этот раз она над ним не подсмеивалась, была серьезна. — Можешь ты мне сказать, почему, Рома? Ты ведь и вправду красивый мальчик, и рост что надо, и фигура...

— Я не знаю. Не влюблялся.

Лана посмотрела на него изучающе.

— Ты гомосексуалист?

— Нет.

— Ты можешь об этом не знать, такое бывает. Тебе может казаться, что женщины тебя интересуют, но просто ты не нашел еще свою, а на самом деле ты латентный го...

— Я не голубой!

— В принципе, я чувствовала, что ты на меня реагируешь, — задумчиво проговорила она, — но могла и ошибиться... Знаешь, таким нахальным и самоуверенным девицам, как я, вечно кажется, что все мужики у их ног... Ну-ка, поцелуй меня!

И она подставила ему свой яркий рот, сложив губы аппетитным сердечком.

Роман медленно приблизил к ним свои губы. Внутри отчего-то стало холодно. Он целовался с девчонками, но и вправду ничего не чувствовал с ними, а тут словно в прорубь!

Он заледенел окончательно на расстоянии сантиметра от нее. Но Лана разрешила ситуацию радикально: обхватила его за голову и прижала свой рот к его. Ее язычок пролез в створки его неловких, задеревеневших губ, раскрыв их. Теперь внутри Романа запылало, как в железной бочке из-под бензина, яростно и гулко.

Тут руки Ланы притянули его к себе за бедра, и она прижалась к нему низом живота, явно желая проверить, что творится у Романа в паху. И почти в то же мгновение она отодвинулась от него со смехом.

— Все в порядке! Проверено, мин нет!!! — И, посмотрев на его ставшее ярким лицо, потрепала его рукой по волосам: — Ничего, малыш, не пугайся, это нормально! А теперь Расскажи-ка мне, что мешает тебе завести подружку? У тебя когда смена заканчивается?

Смена заканчивалась через три часа, и Лана сказала, что заедет за ним и повезет его в кафе-мороженое, где они смогут поговорить в спокойной обстановке. Как оказалось, Лана — профессиональный психолог.

Роман не устоял перед ее напором, согласился. Сначала Лана привезла его в какой-то магазин, где подобрала ему «приличный прикид», поскольку в кафе-мороженое в таком виде идти нельзя, и Роман долго настаивал у кассы, что оплатит покупки сам. Неравный бой выиграла Лана. Затем он поехал с ней в кафе-мороженое, которое на поверку оказалось шикарным рестораном. Ему нравилась

Лана, ему было приятно находиться в ее обществе, ему нравилось даже то, что она его волновала, хотя никаких далекоидущих желаний... Правильнее было бы сказать: далекоидущих *мыслей*, потому что желания его как раз заходили довольно далеко... Но во всех случаях никаких притязаний на нее он не имел. Просто любил бывать в ее обществе, вот и все. И все было бы чудесно с ее затеей повести его в ресторан, но вечер омрачало одно: она ждала от него исповеди. А он не желал ничего рассказывать. Не хотел, не хотел, не хотел!

И рассказал.

Он не понял, как это получилось. Может, вино тому виной, или Лана и вправду психологом была отменным, или все вместе, — но он рассказал.

...Первые семь лет жизни кажутся ему Летом. Теплым и душистым, насыщенным солнцем и негой. Он только смутно помнил редкие грозы с пугающими вспышками молний — это ссоры родителей. Но они были нечасты (по крайней мере, в его присутствии) и потому не омрачали тогда детство, а теперь память. К тому же после тех ссор родители необычайно баловали его, словно стараясь извиниться за то, что напугали, — да и сами были необычайно ласковы друг с другом. В общем, детство его было счастливым, беспечным и обеспеченным. А потом что-то случилось, и все полетело в тартарары.

Пробелы в своей детской памяти и в понимании происходящего он потом достраивал с помощью тетки, маминой сестры. И вот какая теперь, спустя годы, нарисовалась картина.

...Родители его познакомились в институте. Она, Ася, — робкая и романтическая провинциалка с прозрачными голубыми глазами и великолепной

гривой русых волос, вьющихся кольцами, которые она заплетала в свободную, без ленты, косу. Он, Гриша, — полная противоположность: яркий чернобровый брюнет, широкий в плечах, казацких кровей. Они стали самой красивой парой на курсе и вскоре поженились.

Закипала перестройка. Гриша обнаружил в себе деловые таланты — и весьма скоро, не прошло и трех лет после свадьбы, они зажили на широкую ногу. Приобрели свою первую квартиру — тогда можно было за десять тысяч «зеленых» купить! — обставили, а еще годик спустя машиной обзавелись. И они любили друг друга. Счастье было безоблачным.

Почти.

Те грозы, которые иногда сотрясали детство-Лето Романа, — это вспышки ревности Гриши и сопутствующие им скандалы. Ревновал он без всяких на то причин. Ася, с ее романтической застенчивостью, которая так и не отшлифовалась столичной жизнью, мужа боготворила, любила его преданно и самоотверженно. Где Гриша находил поводы для ревности, так никому до сих пор и непонятно. Но он их находил. Случалось, и руку на жену поднимал, — тяжелую казацкую руку на хрупкую свою жену... Она плакала украдкой, не понимала, отчего к ней такое недоверие, — но она его любила и оставалась с ним. Мысль о разводе ни разу не осенила мозг Аси и ее преданную душу.

А там и Ромка родился. Что внесло поправки в их семейный уклад — Ася бросила работу, благо Гриша зарабатывал весьма и весьма прилично, — но не в их отношения. Вспышки ревности, оставлявшие иногда синяки под ее прозрачными, словно акварелью выписанными глазами, продолжа-

лись. Хотя, кажется, не мешали им продолжать друг друга любить пылко...

Тетка, мамина сестра, говорила: «И как только она терпела такого мужлана?!» Тетка жила в Пскове, откуда они с сестрой были родом, и работала хранительницей краеведческого музея.

Как терпела Ася, только ей знать и дано. Но факт налицо: она жила с Гришей, любила его, растила их сына. И боготворила обоих: мужа и сына.

Ромка уродился в маму: русый, с тонкими чертами лица, белой кожей, легко красневшей под солнцем или от смущения. Отец в нем тоже души не чаял, и счастье, несмотря на приступы-грозы его ревности, длилось долго-долго...

Но не бесконечно. Рома помнит: что-то изменилось в их жизни, когда ему было семь лет. Почему? Он не знал, и даже тетка не могла ему помочь объяснениями. Просто скандалы стали возникать все чаще, и синяки с маминого лиц почти не сходили... А потом и Ромка стал попадать под тяжелую отцовскую руку. Невыносимо душная атмосфера страха постепенно проникла во все щели их дома. Ромка стал бояться отца и видел, что мама тоже боялась. И плакала украдкой.

Душистое и солнечное, теплое и нежное Лето его детства кончилось. И наступила Зима. Она сковала морозом все чувства, все тело. Словно злая колдунья явилась и взмахом своей гадкой волшебной палочки заморозила все, превратив самое лучшее, что было в его жизни, в воспоминания, в небыль. А в настоящем оказался только ледяной сугроб. Холод, холод.

День, в который отец громко кричал, чтобы она, мама, «со своим щенком» убиралась, был самым страшным днем в его жизни. В этот день Рома

впервые узнал, что такое ненависть. Его сотрясало от нее, пока он затыкал уши, чтобы не слышать грязных слов, которыми папа обливал маму. Он не понимал их смысла, не знал их значения, но чувствовал, что они дурные, что они липкие и вонючие, как какашки.

Если бы Рома мог, он бы убил отца. Если бы только мог! И всю ночь ему снилось, как он берет на кухне большой нож и втыкает его прямо в горло отца — горло, из которого вылетали страшные крики и гадкие слова...

Спустя две недели они с мамой переселились из комфортной квартиры, где у Ромы была своя комната, полная игрушек, книжек, одежек, в маленькую комнатку в коммунальной квартире. Одну на двоих.

Они стали жить бедно, очень бедно. Но, что хуже всего, — мама начала пить.

Тетка сказала, что мама иногда пила и раньше, после ссор с папой. Ей нужно было куда-то девать свою тоску, говорила тетка. Но с тех пор как они стали жить отдельно от папы, мама принялась пить постоянно. Все, что Рома помнил с тех пор, как они переселились в коммуналку, — это одна и та же, повторяющаяся изо дня в день сцена: он приходит из школы, мама едва волочит ноги, чтобы разогреть ему скудную еду. Мясо или рыба редко появлялись в его рационе, он больше питался макаронами и гречневой кашей...

Ася жила на алименты, а Гриша подавляющую часть доходов получал наличными, скрывал от налогов и суда, и доставались Асе с сыном крохи... По ночам мама мыла где-то полы — работать по специальности она то ли больше не могла после столь долгого перерыва, то ли не захотела...

«Скорей всего, — подумала Лана, — это был

медленный суицид. Она развод и нелюбовь мужа ощущала как конец жизни, но руки не посмела на себя наложить из-за сына. И предпочитала забываться в алкоголе...»

Но вслух Лана ничего не сказала.

С тех пор и поселился в Ромкиной душе ад. Дело было не в гречневой каше — дело было в утраченной отцовской любви, в утраченном счастье, где существовали мама, папа и он, любимый сын. Семья.

Он стал *нелюбимым* — вот в чем сосредоточился АД.

За что? Сколько раз задавал он себе этот вопрос и не находил на него ответа. Его вычеркнули из жизни — папа по каким-то непонятным ему причинам, а мама своим алкоголизмом...

Эти годы он помнил лучше, он стал старше. Но вспоминать было нечего. Он ходил в школу — не столько ходил, сколько прогуливал. Соседи по коммуналке всячески обзывали его мать — он огрызался. Маму он любил, несмотря ни на что, и жалел. Во всем был виноват отец, ясно! Это он выгнал их из дома, это он лишил их всего! Лишил комфорта физического и душевного, лишил чувства защищенности, которое так нужно в детстве. Он во всем виноват, он — подлец и гад! Даже если мама запрещала ему говорить так об отце...

Рома умолял маму бросить пить. Она обещала, грустно глядя на сына, — и он знал, что это неправда. Блекла ее нежная красота, кожа сделалась сухой, ранние морщины легли у глаз и губ. И Ромка однажды додумался. Он нашел — он был уверен — блестящий аргумент, чтобы заставить маму отказаться от вина. «Мамочка, ты перестань пить и

тогда снова станешь красивой и выйдешь замуж за другого мужчину! И пусть он бесится от злости и ревности!!!»

Но мама только попросила его не говорить так о своем отце...

«Он». Роман вычеркнул слово «папа» из своего словаря и больше никогда не произносил его вслух. Только «он».

Что такое ревность, Ромка толком не понимал, но знал, что все дело в ней. «Он» маму ревновал — без причины, по словам тетки. Да и то, стоило только посмотреть на его маму, как хотелось сказать: «светлый лик»...

«Вся вина Аси в том, что она была красивой, — говорила тетка. — И еще она была святой. Она не подчинялась мужу, не терпела его — она *прощала* его! Он зверел от этого, твой отец. В ее прощении была нестерпимая для него высота... И ему хотелось втоптать ее в грязь, сравнять с собой, потому что сам он был грязным!» — так говорила тетка...

Со столика справа остро пахло чесноком, со столика слева тянуло пряным ароматом ликера «Гран Марнье», которым поджигали французские блинчики «креп».

— Я могу тебя перебить? — спросила Лана, покрутив носом: несочетаемость запахов ее раздражала.

— Перебивайте...

— Переходи на «ты». Не такая уж я взрослая тетька, чтобы ты мне «выкал», — засмеялась она.

— Хорошо.

— Я вот что думаю. Отец твой, без сомнения, был патологическим собственником. Ревность его вызвана не любовью, а именно этим чувством.

Уверена, что тетка твоя сказала чистую правду: твоя мама не давала никаких поводов. Это он их видел в каждом мужском взгляде, обращенном на нее! И тогда в нем все переворачивалось. А по складу он был человеком, без сомнения, агрессивным... Я говорю «был», — вдруг запнулась Лана, — но он жив?

— Не знаю. Мне все равно.

— Он «был» в твоём детстве. Поэтому прошедшее время.

— Я понял.

— И собственная ревность оказалась невыносима даже для него самого. И он наверняка нашел другую женщину, попроще, не такую красивую, понятную ему, которую он не ревновал. Поэтому вас и выгнал!

Рома посмотрел на Лану и ничего не ответил. Она угадала, потому что отец вскоре женился, но это ничего не меняло. Настоящую причину он теперь знал, но Лане говорить об этом он не собирается...

— И не исключено даже, что эта новая женщина его подзуживала: ей хотелось побыстрее занять место хозяйки в вашей квартире!

— Скорее всего, вы правы, — согласился он с Ланой. Он не стал переходить с ней на «ты» — это «ты» их как бы уравнивало, а они никак не могли быть равны! Она была благополучна, беспечна и счастлива, как когда-то Роман. Но он все это утратил. И пока он не разберется с виновником этой утраты, он не станет счастливым! Он не может любить, он не может существовать, он не может дышать, пока не отомстит!

— Ну-ну, продолжай!

Лана заметила, что он остался на «вы», но настаивать не стала.

...Соседи говорили гадости про маму, называли ее алкашкой и пьянью, и Ромка мстил им как мог. Переворачивал их кастрюли, выливал суп в ботинки в прихожей, спускал шину у велосипеда, резал клеенку на кухне, ломал звонки у входной двери... И тогда соседи сговорились и решили сдать его каким-то «попечительским органам». Роман не знал, что это за органы, — он знал только про печень, почки, мозг, желудок, — но что за органы должны управлять его судьбой, он не представлял. Однако слово звучало угрожающе.

И тогда он сбежал из дома.

Авторемонтная мастерская, находившаяся недалеко от школы, была ему хорошо знакома. Он немало проводил там времени вместо уроков, помогая механикам чинить машины. Его там знали и не гнали, к тому же помощь от него была хоть и невеликая, но толковая. Особенно благоволил к нему один мужик, которого все звали Андрюхой. Бывало, что Андрюха с Ромкой и бутербродом делился, принесенным из дома.

— Тебя что, мать не кормит? — спросил он в первый раз, увидев, как набросился мальчишка на еду.

Но, заметив, как сверкнули глаза пацана, больше спрашивать не стал. Только удвоил количество своих бутербродов: на случай, если Ромка подвалит.

Однажды Роман провозился с Андрюхой до позднего вечера. И когда механик засобирался домой, попросил разрешения переночевать в машине, которую они чинили.

Андрюха ничего не сказал, только головой покачал и вложил в Ромкину ладонь ключи. «Смотри, попортишь чего, убью», — напутствовал он.

Наутро Андрюха принес ему полбатона хлеба,

свежий огурец и несколько холодных котлет. И с того дня Ромка практически поселился в мастерской на правах «сына полка».

В пятнадцать лет он разбирался в автомобилях не хуже взрослых, умел поставить диагноз любой машинной беде, словно обладал даром слышать жалобы ее железного тела. Ему начали платить настоящие деньги — теперь он работал не за сомнительное жилье в виде топчана в захлавленной комнатенке на задах мастерской и горстку рубликов на пропитание, нет! Он стал получать зарплату. А там и чаевые. И жизнь его потихоньку стала меняться.

Все это время он регулярно навещал маму, с болью в сердце замечая, как она деградирует... Он приносил продукты, какие мог купить. Сидел рядом, гладил ее по плечу и просил съесть творог или помидор... Она слишком мало ела — алкоголь насыщал ее. Мать худела и старела буквально на глазах.

Роман потихоньку пытался разузнать: как ее вылечить? Но выходило, что по-настоящему вылечить можно только в санаториях и больницах, за бешеные деньги. Рома, и без того работавший чуть ли не по десять часов в день, — свободное время ему не было нужно, куда его девать? — принялся работать по четырнадцать.

И он их наконец заработал, эти деньги! Год назад он отправил маму в санаторий. Она провела там полтора месяца и вышла оттуда посвежевшая, помолодевшая, с ясными глазами.

«Мама, — говорил он, когда вез ее домой на машине, — ты потерпи немножко, ладно? Я зарабатую еще денег, и мы купим себе квартиру и будем жить не хуже, чем раньше! Слышишь, мам? Ты

только потерпи, больше не пей! Ты же у меня красивая, хорошая, подержись, не пей, а? У тебя будут снова красивые платья, я тебе куплю! И мы опять станем счастливыми, слышишь, мама?!»

Мама плакала, ерошила его волосы и верила ему.

Авторемонтная мастерская постепенно превратилась в автосервис люкс. Роман был нарасхват. Его ценили и платили ему все больше.

В ожидании, пока он заработает деньги на собственную квартиру, Роман снял отдельное жилье, чтобы увезти маму из коммуналки. Он запретил ей мыть полы, он сводил ее в магазины, где она не очень охотно — уступая сыну — выбрала два нарядных платья...

Она даже стала выходить гулять!

А потом оказалось, что у мамы неизлечимый цирроз печени.

— И она умерла, — сухо закончил Роман.

Лана молчала. Она совсем не ожидала услышать столь горький рассказ. Затащила парнишку больше для того, чтобы поговорить с ним насчет девушек, — отчасти самой позабавиться (поскольку ей нравилось его провоцировать), отчасти и помочь: она была уверена, что дело просто в юношеской зажатости, от которой она неплохо умела избавлять. По правде говоря, она была психологом-сексологом и легко справлялась с комплексами половозрелых юношей.

Услышанное ее расстроило. Во-первых, ей стало жалко парня; во-вторых, ужин в ресторане был испорчен. Подобные истории являются плохой приправой к изыскам гастрономии, а общество красавчика вовсе не послужило ей обрамлением на

вечер, как ей того хотелось. Вместо того чтобы видеть восхищение в его глазах, она видела в них две крошечные слезинки. И ей почему-то казалось, что они такие концентрированные, такие едкие, что если до них дотронуться, то они прожгут палец, как серная кислота...

ПРИЗНАНИЕ

В ноябрьские дни темнеет рано, и о появлении в скверике Степана объявлял веселый галоп Пенса, который, завидев коляску, мчался к ней прямым ходом через все газоны. Спустя минуту появлялась в поле зрения Александры и высокая фигура в куртке с капюшоном — Степан следовал за своей собакой.

За недели Александра привыкла его видеть почти каждый день и сопровождать свою прогулку приятной беседой. Степан был весьма неглуп, хотя иногда излишне резок в суждениях. Но это по молодости лет, в юношестве мы все такие! Он не был галантен, но был вежлив, и ей это тоже нравилось в нем. Она с интересом присматривалась к молодому человеку. Как журналистка (или просто по складу характера), Александра была пытлива и вдумчива, и Степан ее искренне заинтересовал.

Очевидно, что вырос он в семье простой. Обеспеченной, судя по его весьма приличной одежде, но не интеллигентной. И посему мысли Степана, даже какая-то тонкость в поведении, были его личной заслугой. Он наработал к своему юному возрасту определенный личностный багаж, а Александре всегда нравились такие люди.

К тому же, будучи красивым юношей — яркий шатен с тонкими чертами лица, — он не выяв-

лял никаких признаков тщеславия, озабоченности внешностью. Он не старался произвести на нее впечатление — такие вещи Александра, имевшая поклонников всех возрастных и социальных категорий, очень быстро улавливала. И это ей тоже было весьма симпатично. Она даже рассказала о нем Алеше, а тот поразился. Александра, привыкшая по роду своей журналистской профессии к широкому и шумному общению, вынужденно сузила свой мир до детей и дома. Она не жаловалась — в конце концов, это был ее личный выбор! — но Алексей чувствовал, что она немного задыхается в разреженной атмосфере четырех стен. Так что этот мальчик хоть и не мог заменить всего того, в чем нуждалась Александра, но все-таки немного скрашивал ее добровольное затворничество...

На исходе двух недель между ними установилось что-то вроде дружбы — со всеми оговорками разницы в возрасте, разумеется. Дети узнавали Степана и радовались его появлению, но особенно они радовались Пенсу, который никогда не пропускал их коляску без того, чтобы не «поздороваться» с малышами. Они безбоязненно цеплялись ручками за его длинные рыжие уши, а пес клал голову им на колени поверх одеяльца и позволял делать с собой что угодно, только иногда вскидывал на них из-под рыжих бровей свои карие, как у его хозяина, глаза, словно хотел сказать, что он их любит.

В общем, все шло чудесно. Пока не наступил день, в который Александре пришлось отругать себя за опрометчивость и недалекновидность: Степан признался ей в любви!

Даже в темноте было заметно, как зарумянились его щеки...

Некоторое время она молчала, ошарашенная неожиданным поворотом дела. Александра не име-